

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

№ 164 (5875)

Среда, 12 июля 1944 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Сегодня исполняется 20 лет с того дня, когда комсомол принял имя Ленинского комсомола.

Большой и славный путь прошёл комсомол за эти годы под руководством партии Ленина—Сталина. Советская молодёжь свято выполняет клятву, принятую VI съездом комсомола: по-ленински жить, работать и бороться.

Под знаменем Ленина, под руководством Сталина комсомольцы и советская молодёжь будут ещё самоотверженнее трудиться в тылу, ещё беспощаднее громить немецко-фашистских захватчиков на фронте, чтобы ускорить окончательную победу над врагом.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

В своих воспоминаниях о Чехове А. М. Горький приводит горячую речь Антона Павловича, которую он произнес однажды, когда разговор зашел о положении сельских учителей в России.

«Если б вы знали, — говорил Чехов, — как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель! У нас в России его необходимо поставить в какие-то особенные условия... Нужно, чтобы он был первым человеком в деревне, чтобы он мог ответить мужику на все его вопросы, чтобы мужики признавали в нем силу, достойную внимания и уважения...»

Сегодня мы печатаем отрывки из воспоминаний М. Е. Плотова. Он работал сельским учителем по соседству с именем Чехова и неоднократно встречался с Антоном Павловичем. Эти воспоминания говорят о том, как пытался Чехов по мере сил скрасить жизнь скромного сельского учителя, с которым случайно познакомился, расширить его кругозор, как много тепла и ласки к человеку было в его большом, прекрасном сердце.

* * *

В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

А. Чехов.

Мое знакомство с Антоном Павловичем произошло в сентябре 1892 г. В то время я состоял в должности учителя школы села Щеглятьево, отстоящего от села Мелихово, где проживал тогда Чехов, на шесть километров.

Познакомиться с ним мне пришлось при следующих обстоятельствах. Летом 1892 г. в селе Щеглятьево для борьбы с ожидавшейся холерой был создан временный медицинский пункт, заведывание которым, как врач по образованию, взял на себя Антон Павлович. В помощь ему был приглашен студент-медик 4-го курса Николай Иванович, фамилию которого я, к сожалению, уже забыл.

Как-то собираясь идти в амбулаторию, Николай Иванович, обратив внимание на мой плохой вид, предложил мне пойти с ним до амбулатории и посоветоваться с Антоном Павловичем. Я охотно согласился.

В амбулатории в ожидании прихода больных уже сидел Антон Павлович, только что приехавший из Мелихова. Это был молодой человек выше среднего роста, стройный, с продолговатым, правильным и чистым лицом, обрамленным темной бородой. Его глаза светились умом и приветливостью. Общее впечатление от его наружности было в высшей степени приятное, располагающее к нему.

После рукопожатия Антон Павлович обратился ко мне со словами:

— Садитесь и давайте принимать больных.

После этого, приблизительно через одну-две минуты, следом одна за другой,

пришли три старушки в возрасте 65—70 лет, которых по очереди и принял Антон Павлович, сказав каждой из них несколько ласково-укоризненных и успокоительных фраз.

Теперь, думаю, Антон Павлович займется и мною.

Однако я ошибся: он встал и, прощаясь со мною, сказал:

— Приезжайте-ка завтра утром ко мне в Мелихово, мы с вами побеседуем на свободе.

На другой день, отправляясь в Мелихово, я не знал, как мне поступить: предложить Антону Павловичу гонорар за совет или нет, так как мне было известно, что он жил тогда исключительно литературным трудом.

Правда, к нему приходили за врачебным советом как крестьяне села Мелихова, его соседи, так и крестьяне других селений, но он не только безвозмездно оказывал им медицинскую помощь, но даже и лекарства для них приобретал на свои средства.

Приехав в Мелихово, я был уверен, что Антон Павлович предложит мне снять рубашку, поступит по грудной клетке молоточком, послушает и, определив болезнь, напишет рецепт. Я опять ошибся.

Узнав, сколько мне лет, он заинтересовался, как я провожу свое свободное время, а что трагично. Расспросив меня подробно, он сказал, что ничего серьезного нет:

— Побольше гуляйте, больше кушайте малороссийского сала и кислого молока,

рецепт на приготовление которого возьмите у моей мамы. Жаль, что вы не работаете в земстве: один росчерк моего пера, и земство выдало бы вам необходимые средства на поездку в Крым для купания в Черном море.

На прощание, предложив мне пользоваться своей библиотекой, Антон Павлович вручил мне несколько книг художественной литературы. От гонорара за совет он, само собой разумеется, отказался наотрез.

О моей поездке в Крым я и думать перестал: не было на это средств, но Антон Павлович, оказалось, не только не забыл о ней, но и старался сделать все от него зависящее, чтобы добыть необходимые для этого средства.

В один из моих последующих визитов в Мелихово Антон Павлович говорил мне:

— Я написал местному благочинному письмо. Прислал его, как человека, знакомого с графиней Орловой-Давыдовой, обратиться к ней, как попечительнице Щеглятьевской школы, с просьбой оказать вам материальную помощь для поездки в Крым. Благочинный в своем ответном письме, между прочим, пишет мне: «Графиня сама знает нужды своих подчиненных».

Надо было слышать, с каким негодованием и отвращением произнес Чехов последнюю фразу. Это возмущение было настолько велико, что он не мог усидеть на месте и вынужден был несколько минут быстро ходить по кабинету, чтобы успокоиться.

Я уверен, что Антон Павлович никогда так не волновался, не возмущался и не жалел о своих личных неудачах, как волновался и возмущался по поводу неудач маленьких людей, своих знакомых, особенно в тех случаях, когда к неудачам материального порядка присоединялись попытки умаления человеческого достоинства этих людей.

За время с 1892 по 1898 г., до отъезда Антона Павловича в Крым, я бывал у него в Мелихово один-два раза в месяц, менял прочитанные мною книги на другие и временами слушал его в высшей степени интересные беседы на литературные и другие темы. Нельзя было не удивляться необыкновенной силе и образности, с какими он выражал свои мысли. Слушатель всецело находился под впечатлением как его мысли, так и красоты формы, в которую данная мысль выливалась. Эксперимент он говорил так же легко, плавно, свободно и красиво, как и писал.

в совершенстве владея искусством сказать многое в немногих словах.

Одной из благороднейших черт характера Антона Павловича была его беспредельная доброта. В числе его знакомых, кроме литераторов, издателей, критиков, артистов, художников, были и сельские учителя и учительницы, фельдшерки-акушерки, учащаяся молодежь, соседи-крестьяне и др. К ним он относился особенно сердечно и отзывчиво и оказывал им всевозможные услуги и сильную помощь. Расскажу о некоторых из многих его услуг, оказанных мне лично.

В 1892 г. я был начинающим охотником, о чем Антон Павлович от кого-то узнал. Свидетельство со мною однажды, он спросил:

— Вы охотник?

— Пока еще только горе-охотник, — ответил я.

— А ружье имеете? — спрашивает Антон Павлович.

— Имею, — отвечал я, — но мое ружье, к сожалению, отличается досадной особенностью: при попытке спустить курок оно упрямятся, курок и не думает спускаться, дичь улетает без выстрела. Иногда ружье и не думает стрелять, а курок спускается как бы по собственному желанию, и заряд летит в белый свет. Правда, это ружье временное: как только овладею искусством стрельбы, приобрету другое.

Не зная, с какой целью Антон Павлович задал мне этот вопрос, я дал на него краткосрочный и точный ответ. Выслушав мой ответ, он заявил:

— У меня есть знакомый охотник, очень богатый человек, у которого охотничьи ружья — целая оружейная палата. Я привезу вам от него бесплатно и в бессрочное подержание настоящее барское ружье, — предложил Антон Павлович.

Эта любезность была настолько неожиданной и настолько, на мой взгляд, чрезвычайной, что я почувствовал большое смущение, но, стараясь не обнаруживать своего настроения, поблагодарил Антона Павловича и, перевернув прочитанные книги на другие, простился и ушел, питая надежду на то, что он забудет про свое обещание.

Однако Антон Павлович никогда не забывал своих обещаний. В следующее наше свидание, здороваясь со мною и указывая на угол своего кабинета, он произнес:

— Вот ваше ружье, берите и стреляйте на здоровье.

После этого случая прошло несколько месяцев. Я был уверен, что Антон Пав-

вич не будет больше задавать мне вопросов относительно охоты. И снова я обманулся: быть чем-нибудь полезным для своих знакомых было его потребностью.

Примерно в марте месяце 1893 г., когда я, как и всегда, приехал к нему за книгами, он обратился ко мне с вопросом:

— Скажите, есть у вас подружейная собака?

Упущив из вида случай с ружьем, я ответил:

— Пока не имею. Охотюсь с моим ментором по охоте — Н. Г. Волковым, прекрасным охотником и метким стрелком. У него имеется хорошая собака. О своей собственной собаке я уже думал и при первой возможности постараюсь приобрести щенка.

— А я уже позаботился о вас, — заметил Антон Павлович, — у меня в Серпухове есть знакомый врач. Этот врач — хороший охотник, у него прекрасная охотничья собака — сука, которая месяца через два должна ощениться. Я просил отобрать для вас лучшего щенка.

Что мне оставалось делать, как не благодарить Антона Павловича!

После разговора о щенке прошло месяца два или немногим более, теперь уже не помню. В один прекрасный весенний день я был дома и что-то читал. Подняв от книги голову, вижу против окон моей квартиры весельника, который оказался дворником Чехова. Войдя в квартиру и позволившись, он передал мне, что Антон Павлович просит меня пожаловать к нему, если можно, сегодня вечером или завтра утром. Вечером того же дня я был у Чехова. Посредине его кабинета, на ковре, лежал красавец-щенок с длинными породистыми ушами, прямым хвостом и выразительными глазами. Антон Павлович, здороваясь со мною и указывая на щенка, произнес:

— Вот ваш клиент, берите...

Иногда случалось, что в обширной библиотеке Чехова не оказывалось той или иной книги, которую хотелось бы прочесть. В таких случаях он говорил неизменно одно и то же:

— В ближайшую мою поездку в Москву добуду эту книгу и привезу.

И никогда, никогда не забывал он данного обещания!

Несвали, деспотизма и рвения, в каких бы формах они ни проявлялись, Антон Павлович не выносил и всегда, когда мог, пресекал их в корне.

— Когда я уезжаю в Москву, — говорил он, — хозяином в усадьбе остается брат

Иван. В доме сейчас же устанавливается другой режим: демократические свободы заменяются самодержавием. Брат, вступив в свои права хозяина, старается нашу прислугу — горничную, кухарку, дворника — за малейшую оплошность подтянуть, наругать, накричать, а в результате — одно озлобление и неприязнь к нему. Стоит мне вернуться из Москвы, как самодержавие летит к черту и опять наступает полоса демократических свобод.

В середине апреля 1896 г. Антон Павлович просил меня нынче приехать к нему везером, чтобы постоять на тяге и устроить шалаши для стрельбы из них тетеревов на току: из Москвы к нему в Мелихово обещали приехать на ток и тягу охотники, его хорошие знакомые, для которых и предназначались эти шалаши.

После тяги я остался у Чехова ночевать. На сон грядущий он дал мне прочесть запрещенное тогда цензурой знаменитое письмо Великого к Гоголю, а утром на другой день, прощаясь со мною, он вручил мне книгу Ласкова: «Мелочи архирейской жизни» (тоже в запрещенной издании), предупредив, чтобы эта книга не попала в нечистую из глаза местному попу, так как если последний, увидев ее, дождется кому следует, то типография, печатавшая книгу, будет закрыта.

Отсталость тогдашней России от западноевропейских государств не дала ему покоя.

Открытие новой школы в тогдашнем Серпуховском уезде, в котором проживал Антон Павлович, являлось для него большим праздником. Нужно было слышать, с каким чувством радости сообщал он о таком факте, и видеть, как это чувство радости преобразовало его лицо. На открытии школ по соседству с Мелиховым он всегда присутствовал и, между прочим, по некоторым мелочам в квартире учителя вводил правильное замечание о степени его интеллигентности. Только на основании того, как, где и в чем хранились деловые бумаги и книги, как была расставлена мебель, чем были украшены стены, Чехов делал безошибочную характеристику ее обитателя.

Трудно сказать, кто в Чехове был выше: человек или художник. Его светлая личность представляла одно совершеннейшее гармоническое целое, в котором человека нельзя отделить от художника, а художника от человека.

М. ПЛОТОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 40. Улица «Правды», д. 24, 6-й этаж. ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ: справочный — Д 3-30-56; секретариат — Д 3-36-89 и Д 3-31-79; отдел пропаганды и агитации — Д 3-37-22; комсомольской жизни — Д 3-31-39; отдел рабочей молодежи — Д 3-34-23; отдел трудовых резервов — Д 3-31-96; учащейся молодежи — Д 3-37-43; отдел крестьянской молодежи — Д 3-38-38; отдел литературы и искусства — Д 3-31-94; отдел информации — Д 3-38-49; военный отдел — Д 3-36-24; писем — Д 3-30-69; иллюстрации — Д 3-30-22; бюро